П. Романов, М. Суворова

«ЧИСТАЯ ФАРЦА»: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И СПЕКУЛЯНТОВ

Эта статья посвящена спекулянтам и фарцовщикам (торговцам, специализировавшимся на импортном ширпотребе) позднесовет-ской эпохи. Пока еще живы свидетели той поры и доступны устные источники, однако понять этот феномен неформальной советской экономики можно, только обратившись к глубинным слоям советской истории. Специфика описываемого феномена объясняет двойственную природу этого текста. Мы попытались, с одной стороны, ответить на ряд вопросов, связанных с социально-историческими аспектами проблемы функционирования неформальной экономики в СССР, ставшей неотъемлемым дополняющим элементом формального сектора (этого никак не хотели признавать руководители государства, которые в лучшем случае не замечали существования спекулянтов, а в худшем - открывали компании репрессий против них). С другой стороны, мы сосредоточились на формах, а также механизмах идентичности, самооправдания в условиях конфликта рыночной и немонетарной рациональностей.

Советский период нашей истории характеризовался особым отношением власти и общества к предпринимательству. В эпоху тотального дефицита предприимчивые люди в определенной степени смягчали условия жизни людей, предоставляя им дефицитные товары. В то же время деятельность этих неформальных продавцов, нелегальных производителей товаров и услуг в условиях плановой командно-административной экономики была маргинальной. Предпринимателей стигматизировали, придумывая для них уничижительные ярлыки, слова «коммерсант» и «бизнесмен» в массовом сознании воспринимались как оскорбительные, а милиция и уголовный розыск были ориентированы на выявление и пресечение незаконной экономической деятельности. При этом толкование

незаконности менялось от одной эпохи государственного социализма к другой, но всегда оставалось довольно широким.

В этой статье мы бы хотели сфокусироваться на различных аспектах таких видов неформальной экономической деятельности в эпоху позднего социализма, как спекуляция и подпольное производство товаров и услуг. Мы говорим о «чистой фарце»[1] и не касаемся продажи наркотиков, оружия и других предметов, связанных с криминальной деятельностью. Выбранные нами виды деятельности представляют интерес с точки зрения социальной структуры, а именно вопроса о том, каким статусом наделялись занятые этой деятельностью люди в условиях плановой экономики. Другой интересный аспект - влияние мелких предпринимателей поздней советской эпохи на практики потребления в обществе в условиях конфликта партийной морали и потребительских ценностей. Важной линией анализа нам представляется характер властных отношений, фиксируемый в контактах предпринимателей с милицией, прокуратурой, исполнительной и партийной властью, природа репрессий и способы уклонения от них.

Расцвет эпохи спекулянта приходится на 1970-80-е годы, которые сопровождались жесткими идеологическими установками, а в системе снабжения - товарным дефицитом и диспропорциями в распределении товаров и услуг. Эти факторы наложили специфический отпечаток на негативное изображение «продавцов» дефицитных товаров в широкой прессе и публичном обсуждении. Однако мы склонны полагать, что существовало противоречие между продуцируемым пропагандой отрицательным отношением к спекулянтам и отношением, складывавшимся в ситуациях их реального взаимодействия с покупателями. Черный рынок сопровождал жизнь советских людей на протяжении всей истории СССР с первых лет его существования до последнего момента. Исследование опыта спекулянтов как комплексного социального феномена в системе советской неформальной экономики может пролить свет на микропрактики предпринимательства в аспекте их влияния на современную экономическую жизнь и формы взаимодействия предпринимателей с властью и местным сообществом.

[1] «Фарца - спекуляция, скупка вещей у иностранцев с целью спекуляции» (Мокиенко В.М.. Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт. - 2001.С. 662

В рамках исследования был проведен ряд интервью с продавцами и распространителями дефицитных товаров, сотрудниками милиции и работниками партийных органов[1]. Результаты анализа интервью позволяют выделить основные структурные составляющие самого процесса нелегальной торговли, а также окружавшего его эмоционального и идеологического контекста.

Исследования мелких торговцев советской эпохи

Интерес к изучению альтернативной розничной торговли - спекуляции, трейдерства, фарцовки - вырос в начале 1990-х годов, когда в России, странах СНГ и Восточной Европы либерализация торговли привела к появлению челночества и бурному развитию рынков промышленных и продовольственных товаров под открытым небом. Исследования этих процессов в последние годы были осуществлены во многих постсоциалистических странах: Узбекистане, Литве, Болгарии, Венгрии[2]. Исследователей волновал вопрос о предпосылках бума мелкого предпринимательства в обществе, где на протяжении многих лет любая негосударственная активность в этой сфере подвергалась репрессиям[1]. В значительной мере эти процессы обусловлены историческим и культурным контекстом социалистической экономики, формат которой продолжает оказывать влияние на переходные процессы в постсоциалистическом обществе. Одним из наиболее значимых факторов является, по мнению многих исследователей, ситуация постоянного дефицита повседневных товаров, распределение при помощи блата и неформальных связей[4].

[1]Интервью были проведены М.Суворовой при поддержке фонда Белля в рамках проекта «Фарцовщик: враг, потребительский герой или предвестник социальных изменений? Исследование репрессии в отношении предпринимателей в СССР 1970-80-х гг »

[2] Kaiser M. Informal Sector Trade in Uzbekistan. Working paper №281. University of Bielefeld. 1997, Aidis R. Officially Despised Yet Tolerated: Open Air Markets and Entrepreneurship in Post-socialist Countries. Working paper. Faculty of Economics and Econometrics. University of Amsterdam. 2000, Konstantinov Y. Patterns of Reinterprwation Trader Tourism in the Balkans (Bulgaria) as a Picaresque Metaphorical Enactment of Post - lotalitarianism // American Ethnologist 23: 1-21. 1994. Czako A. and Sik E. Characteristics and Origins of the Comecon Open-Air Market in Huneary // International Journal of Urban and Regional Research 23- 607-714 1999

[3] Kurkchiyan M. The Transformation of the Second Economy into the Informal Economy // Ledenava A.V., Kurkychiyan M. (eds). Economic Crime in Russia. London. Kluver Law International 2000 P 83-97.

[4] Verdery K. Ethnic Relations. Economies of Shortage and the Transition in Eastern Europe// Chris Hann (ed.). Socialism Ideals, Ideologies and Local Pactice. ASA Monographs 31 London: New York: Routlerdge P. 172 – 86

На возникновение и функционирование теневого вещевого рынка в Советском Союзе, по мнению большинства исследователей, влияли особенности розничной торговли, заключавшиеся, прежде всего, в относительной ее неразвитости. Масштабы ее были незначительны даже по сравнению с восточноевропейскими социалистическими странами[1]. Другой отличительной чертой была институциональная структура торговли, основу которой в городах составляли крупные организации[2], не способные удовлетворить разнообразные запросы простых потребителей. Таким образом, уличная торговля спекулянтов на рынках и посредством социальных сетей компенсировала институциональные недостатки социалистической системы распределения.

Исследования советской неформальной экономики напрямую связаны с исследованиями неформальной экономики в глобальной перспективе и с институциональной организацией локальных рынков[3]. Взаимодействие государства и неформальной экономики обсуждается в связи с процессами трансформации в развивающихся и развитых странах[4].

Война со спекулянтами

При изучении экономической деятельности в различных культурах легко обнаружить, что одно и то же занятие может в одних случаях восприниматься с осуждением, а других - поощряться и получать всяческую поддержку. В отечественной культурной традиции вплоть до начала XX в. легитимность частных торговых операций не ставилась под сомнение, однако с обострением классовой

[1] Study of the Soviet Economy, by International Monetary Fund et. al., February 1991. Vol. 1.

P. 421-423. 435-442.

[2] Study of the Soviet Economy, by International Monetary Fund et. al., February 1991. Vol.3

[3]Harriss-White B. Globalisation, Informal Economies and (In)Decent Work // Paper presented
in 5th Annual Conference of Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation "Globalisation, Growth And (In) Equality". Scarman House. University of Warwick 15-17 March 2002. Harriss-White B., The Local State and The Informal Economy. Cambridge Commonwealth Lecture.
2000. www.oeh.ox.ac.uk: Jagannathan N.V. Informal Markets in Developing Countries. Oxford: Oxford University Press. 1987.

[4] Breman .J. Regulation of the Informal Sector // Development and Changes. 983 Vol. 14: De Soto H. The Mysteo of Capital. London: Bantam. 2000. Pones A,. Castells M. and Benton L. (eds). The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. Baltimore: Hopkins 1989; Tokman V.E. and Klein E. (eds.). Regulation and the Informal Economy: Microenterprises in Chile, Ecuador and Jamaica. Boulder: Lynne Reiner. 1996.

борьбы доминирующим становится дискурс большевиков, убежденных в аморальности предпринимательской инициативы. Партийные идеологи, в частности В.И. Ленин, рассматривали частную торговлю как идеологическую и экономическую опасность, требующую экстренного контроля и вмешательства:

> *«Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии - вот наш главный "внутренний" враг, враг экономических мероприятий Советской власти... Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни»*[1].

Разумеется, данное высказывание следует рассматривать в контексте определенной политической и хозяйственной ситуации, однако сконструированные в этот период социокультурные коды, ассоциируемые с понятиями «спекулянт» и «спекуляция», оказались доминирующими на протяжении длительного времени вплоть до 1990-х гг.

9 ноября 1917 г. принят декрет, где обосновывалась монополизация государством торговли и производства. В последующие годы деятельность продотрядов, комбедов и ЧК сопровождалась усилением пропаганды против спекулянтов и репрессий против представителей мелкой и крупной торговли. Острота классовой борьбы несколько снизилась в период НЭПа, характеризовавшегося повышением уровня жизни и легитимизацией плюрализма в розничной торговле, общей либерализацией экономической и социальной политики. Однако последовавший вскоре закат либерального экономического эксперимента стал условием оживления репрессий против спекулянтов. По свидетельству Ф. Раззакова, среди основных видов преступлений в 1930-е годы спекуляция занимала одно из ведущих мест. В марте 1937 г. из особого отдела МУРа создается служоа ОБХСС[2]. Именно в годы репрессий родилось то правовое определение спекулятивной деятельности, которое сорок лет спустя попало из уголовного кодекса в Большую советскую энциклопедию: *«Спекуляция, по советскому уголовному праву, одно из опасных хозяйственных преступлений, посягающее на нормальную деятельность советской торговли, на интересы покупателей. Состоит в скупке и пе-*

[1] Ленин В.И. О Продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // Полн. собр. соч. Т. 43. С 205-245.

[2] Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. М.: ЭКСМО. 1947

репродаже товаров и иных предметов с целью наживы. Для признания деяния спекуляцией не имеет значения, где и у кого куплен товар..., а также кому он продан...»[1].

Годы Великой Отечественной войны сопровождались расширением черного рынка, который в большинстве крупных городов стал полулегальным элементом системы снабжения. Есть достаточно свидетельств в пользу того, что местные власти в тот период «смотрели сквозь пальцы» на существование рынков под открытым небом, где можно было купить и обменять все что угодно. Деятельность мелких торговцев на открытых рынках и расширение черного рынка сопровождались усилением криминальных аспектов в этом секторе экономической деятельности. В смутной ситуации военного времени открылись дополнительные возможности по использованию ресурсов, скрывавшихся в советской плановой экономике. Складывались значительные по масштабам преступные картели. Лишь в конце войны и первое послевоенное время советские правоохранительные органы начали предпринимать энергичные действия по ликвидации черных и теневых рынков. Меры, предпринимаемые в этом направлении, были сравнимы по масштабу с военными действиями[2].

Либерализация политической системы, начавшаяся с 1956 г. усилиями правительства Н. Хрущева, сопровождалась большей свободой и в экономическом аспекте. Одновременно с этим в послесталинский период осуществлялась деконструкция колоссального репрессивного аппарата МВД и КГБ. Любопытно, что именно союз теневых экономических акторов с коррумпированной милицией создал особые условия, в которых развитие теневого сектора было возможно.

Особенно прибыльным делом в условиях подъема уровня жизни, оживления потребительского рынка и изменения стандартов потребления оказалось производство и продажа товаров народного потребления, а оживление контактов с западными странами дало толчок увеличению объемов нелегальных сделок с валютой[3].

[1] Большая советская энциклопедия. М: Советская энциклопедия. 1976. Т. 24. кн. 1. С. 904.

[2] Ф.Раззаков рассказывает об облаве на Тушинском рынке, поразившей автора своими масштабами (Раззаков Ф. Указ. соч.).

[3] Дельцы валютного рынка многократно умножали свои прибыли, создали систему, имевшую обширные связи за рубежом, в банках ряда стран. В одном лишь деле Я. Рокотова

Недолгая экономическая либерализация, как и все предыдущие, закончилась периодом жестоких репрессий[1]. Кампания борьбы против очередного врага содержала все традиционные элементы «охоты на ведьм». Одним из них стали на этот раз громкие уголовные дела над валютчиками, цеховиками и спекулянтами («дело валютчиков» Я. Рокотова и В. Файбишенко, дело Б. Ройфмана); параллельно шла шумная пропагандистская волна в прессе, где спекулянты репрезентировались в моральных и политических терминах как «стервятники» и «мерзкие подонки».

Период правления Л.И. Брежнева начинался прогрессивными реформами в 1960-х гг., когда стали проводиться эксперименты с созданием квазирыночной экономики, а в словарь хозяйственников вошли понятия «хозрасчет», «предприимчивость», «оплата по труду». Впоследствии рыночные инновации захлебнулись. Однако именно в эти годы были созданы условия для инвестиций в подпольные промышленные производства средств, которые ранее были аккумулированы торговлей валютой (цеха по производству потребительских товаров, преимущественно одежды, особенно в республиках Закавказья, Средней Азии)[2].

На протяжении 1970-х гг. уровень жизни продолжал расти, бурно развивалось престижное потребление, менялись массовые стереотипы и потребности, а советская промышленность и торговля были не в состоянии их удовлетворять[3]. Зазор между спросом и предложением заполнялся благодаря деятельности тысяч спекулянтов, оперировавших на многочисленных и разнообразных теневых рынках. Отношение властей к ним даже внутри этого периода менялось от резкого неприятия до полного игнорирования. Кроме

фигурируют показатели оборота, достигающие 20 млн руб. в год. Возникли высокоэффективные теневые производства, именовавшиеся «цеховыми», где объемы тоже были очень велики.

[1] Начало их было ознаменовано выходом указа 1960 г. о передаче в ведение КГБ уголовных дел, связанных с незаконными валютными операциями, контрабандой, хищениями социалистической собственности в крупных размерах. Чуть позже, 5 мая 1961 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с расхитителями социалистической собст-венности и нарушителями правил валютных операций. В соответствии с ним виновным грозили сроки до 15 лет, а позже - вплоть до расстрела.

[2] Маркус Кайзер приводит свидетельство Н. Абдурахманова, который полагает, что власти Узбекской ССР всегда терпимо относились к черному рынку, на который приходилось от 15 до 20 % торгового оборота в республике. См.: Kaiser M. Informal Sector Trade in Uzbekistan. Working paper №281. University of Bielefeld. 1997. P. 4.

[3] Вишневский А. Серп и рубль. М: ОГИ. 1998. С.37-77.

того, имели место региональные различия[1]. 23 мая 1986 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о нетрудовых доходах. Однако процесс политических и экономических реформ уже начался и разворачивался с все возрастающим темпом, и спустя два года был принят Закон о кооперации, легализовавший почти свободный рынок товаров и услуг. Тем не менее попытки обуздать усложнявшиеся экономические процессы и экспансию теневого рынка продолжались вплоть до начала 1990-х[2]. Лишь распад Советского Союза и ликвидация плановой экономики остановили попытки тотального государственного регулирования торговли и положили конец Эпохе нелегального спекулянта. В соответствии с указами Президента РФ № 55 от 19 декабря 1991 г. и № 141 от 7 марта 1992 г. была осуществлена либерализация торговли, в результате чего список товаров с устанавливаемыми государством розничными ценами был значительно сокращен, а цены из фиксированных стали регулируемыми, как и в большинстве стран со свободной рыночной экономикой.

Фарцовщики 1970-1980-х

Основное занятие большинства из тех, кого называли фарцовщиками, спекулянтами, заключалось в покупке через имеющих «блат» знакомых дефицитных товаров и продуктов питания, которые в СССР у простого гражданина не было возможности приобрести или за которыми необходимо было выстаивать огромные очереди. Эти товары перепродавались из-под полы, в подворотнях, подвалах, на съемных квартирах через знакомых обычным российским гражданам. Кроме импорта реализовывалась и отечественная продукция, создаваемая в подпольных цехах, а люди, которые там работали, назывались «цеховиками». Они рисковали, так как их деятельность могла повлечь за собой административную и даже уголовную ответственность.

[1] Показательные суды над, антикварами, коллекционерами, преследования старушек, торговавших семечками и милицейские облавы на торговцев джинсам в одних регионах, и республиках разительно контрастировали с открытой торгован поддельным <фирменным> ширпотребом на курортах Черного моря.

[2] В июле 1988 г. все валютные магазины «Берика были закрыты «как рассадники неза конных сделок и спекуляции С 1985 по 1988 г, по обвинениям в незаконном предпримимательстве

было привлечено к уголовной ответственности 150 человек, а 31 октября 1990г. был принят закон СССР «Об усилении ответственности за спекуляцию....., запретивший торгов лю теми товарами, на которые установлены государственные розничные цены.

Отношение к спекулянтам было двоякое. С одной стороны, они преследовались органами правопорядка, привлекались к различного вида ответственности, на них устраивались облавы. «Общественность» (в большинстве своем люди старшего возраста) проявляла по отношению к спекулянтам такие чувства, как недоверие, недоброжелательность, презрение, равнодушие, скепсис. С другой стороны, россияне хотели вкусно питаться и красиво одеваться, но не у всех была возможность поехать в другие города, регионы, республики СССР, где можно было приобрести дефицитные товары. Эти факторы подталкивали население обращаться к услугам спекулянтов, фарцовщиков.

Поиск информантов в нашем исследовании осуществлялся методом «снежного кома». Собеседники, с которыми удалось наладить контакт, рекомендовали своих знакомых и так далее. Все интервью, общим числом шесть, проводились в Саратове и были собраны в течение весны-лета 2002 г., однако исследование продолжается, и мы ожидаем новых данных. Среди информантов были самые разные люди, как те, кто сам принимал участие в фарцовке, так и представители правоохранительных органов, занимавшиеся выявлением спекулянтов. Интервью проводилось в естественных условиях, в основном по месту проживания информантов, с использованием заранее разработанного гида интервью, с записью разговора на диктофон. Правда, последнее не всегда оказалось возможно. Несмотря на то, что прошло иногда более двадцати лет после событий, связанных с участием наших информантов в теневой экономической деятельности, и десять лет с начала рыночных реформ в России, бывшие спекулянты продолжают испытывать опасения за собственную безопасность. В ходе интервью они вновь погружались в атмосферу тайн, конспирации, погонь и часто проявляли тревогу за свою безопасность:

> *«Выключите пока микрофон, я расскажу случай»* (интервью 3), а в случае приватной беседы без записи - «Вы *здесь нигде микрофон поблизоапи не держите?»* (интервью 2).

Среди тех, кто был участником теневого рынка товаров и услуг, были разные категории граждан, и этот факт находит отражение в воспоминаниях. Значительное количество продавцов начинали свою карьеру на рынке, будучи студентами. После окончания вуза многие из них утрачивали интерес к торговле, но были и те, кто

продолжал заниматься этим и в зрелом возрасте. Студенты являлись особой категорией распространителей, так как имели достаточно свободный режим передвижения, относительно дешевый билет до столицы (в основном товар шел из Москвы), знали потребности ближайшего окружения и «работали» на заказ:

> *«Я училась, мы поехали с девчонками в Москву отовариваться в 1969 г.»* (интервью 6).

Профессиональные фарцовщики занимались исключительно торговлей, и хотя иногда они где-то числились на работе, но занимались только поиском и продажей товаров. Таких было немного, чаще можно встретить представителей тех видов занятости, которые связаны с командировками и передвижениями (бортпроводницы, проводники поездов, пилоты):

> «*На работе были командировки, поедешь - что-то купишь»* (интервью 3); *«Мать его тоже работала проводницей. Мать все время этим занималась. Она на юг все время ездила. Она с юга привозила, продавала»* (интервью 6).

Особую группу составляли мастера и надомники, занимавшиеся ремесленничеством, то есть производством одежды, головных уборов, музыкальных записей. Мы встречали и портных; такое занятие было довольно распространено и редко являлось объектом интереса правоохранительных органов:

> «Я *имела возможность подработать, потому что моей зарплаты мне явно не хватало. Ну, эта деятельность была связана с тем, что я все время шила»* (интервью 3).

Различались и функции, которые выполняли на теневом рынке отдельные категории продавцов. Среди спекулянтов, действовавших в Саратове, можно выделить несколько типов. Одни соединяли в одном лице и поставщиков, и распространителей товаров. Это люди, которые самостоятельно разыскивали товар и сами же его распространяли, например те, у кого были

> *«в Москве родственники. Вот Татьяна Семеновна поедет, недельку живет. Заказы примет, знает, что людям надо - купит. Только чтобы оправдать дорогу, себе что-то в карманчик положить»* (интервью 6).

Другие участники черного рынка были звеньями цепочки «крупные поставщики - сеть «розничных» распространителей». Поставщики находили и приобретали крупные партии товаров

(вещи, одежда, техника) и продавали их более мелким распространителям, которые сбывали товар по своим каналам:

> *«Мы старались всегда, чтобы на базаре нас не было, мы не стояли. Кто у нас брал, они, да. Они там стояли. Мы им привозили это все. Были определенные люди, которые приходили, отбирали. Все, мы уже в этом не участвовали. Наше дело было найти, привезти»* (интервью 5).

Продавали все что угодно, но большинство из тех, кто систематически занимался сбытом товаров, были людьми, специализировавшимися на определенном ассортименте:

> *«Разговорились, и* [выяснилось, что] *мне надо шубы. Вот она эти поездки стала осуществлять. И шубы возить»* (интервью 6), *«Фарцовщик торговал качественными вещами, у него была как бы специализация. Например, спортивная обувь, джинсы, компакт-диски или аппаратура»* (интервью 5).

В условиях доминирующей плановой экономики фарцовщики все же ориентировались на рыночные механизмы, где спрос рождает предложение. Было достаточное много тех, кто считал, что обращаться к спекулянтам стыдно, неудобно и неприлично, однако многие саратовцы по разным причинам хоть раз в жизни, но пользовались возможностью купить вещи вне системы государственной торговли. Кто же пользовался услугами теневого рынка товаров и услуг? В интервью часто речь идет об учащейся молодежи, чьи потребительские стили требовали постоянного обновления гардероба, следования моде. Это студенты, многие из них - сокурсники продавцов из обеспеченных семей:

> *«вот именно дети боссов, больших боссов. У них всегда были деньги. Деньги есть, а купить нечего - возникает спрос. Рождается предложение, начинаешь его прорабатывать»* (интервью 5).

Другая группа - представители региональной элиты, в том числе политической, которые, несмотря на имеющиеся ресурсы, знакомства и связи, все-таки за некоторыми товарами вынуждены были обращаться к агентам спекуляции. И, наконец, те категории граждан, которые не удовлетворялись общедоступными массовыми товарами и стремились к индивидуализации собственного стиля, ориентируясь на образцы престижного потребления.

В силу того, что фарцовщики участвовали в запретных сделках, они постоянно испытывали опасения за свою безопасность, скрывались от милиции и ОБХСС. Все это определяло различные формы конспирации и ухода от контроля. Например, весьма распростра-

ненной была торговля, когда вещи «развозили по домам» среди надежного круга проверенных лиц:

> *«Соседям продавал. Соседим ведь дорого не продашь. Некоторые даже обижались, что им не хватало. Да, вот так и говорили: «Ну, не хватило». Хорошо было, когда соседи раскупали, потому что на базаре не надо было стоять. Все свои»* (интервью 2).

В другом случае действовали более широкие сети знакомств, когда распространители искали клиентов на предприятиях, в студенческих аудиториях:

> *«поступил на вечернее в Политех. В институте уже как бы руки были развязаны»* (интервью 5).

Продавали товар знакомым и знакомым знакомых, надежным людям из своей среды, при этом товар расходился достаточно быстро. Неформальные рынки имеют сетевую социальную природу, когда превалирует «интенсивно-личностный» характер трансакций[1], то есть определяемый личными отношениями покупателей и продавцов (в отличие от формально-ролевых взаимоотношений). Эта характеристика неформального рынка оказывалась вдвойне актуальной в атмосфере советского морального осуждения.

Наиболее рискованной считалась торговля из-под полы на полуподпольных уличных рынках Саратова. Как полагают исследователи, уличные рынки часто рассматриваются в обществе как опасные и аморальные места. Это проявляется во всех бывших коммунистических странах, где «такая спекулятивная деятельность порицалась многие годы как «паразитическая» и все еще считается аморальной»[2]. В Саратове почти все знали места, где можно было купить дефицитные вещи. В этой связи упоминают обычно перекресток улиц Чапаева и Ленина, клубы меломанов и филателистов, парк Липки, у Торгового центра, на «Шарике», клуб им. Клары Цеткин: «*Ну, в основном вот деятельность была - Локомотив и Крытый рынок, вещами торговали»* (интервью 1). Бойким местом считался Студенческий рынок - *«был такой Студенческий рынок. В Саратове. На территории СГУ»* (интервью 4). Комиссионные магазины часто использовались как более-менее легальное прикрытие сбыта. Соз-

[1] Eder V. and Hozic A. Workpaper from Workshop 9 Mediterranean Merchants: Politics. Economics and Culture of Informal Trade Networks. Florence. 2002.

[2] Sik E. and Wallace C. The Development of Open-Air Markets in East-Central // Europe International Journal of Urban and Regional Research. № 23. 1999. P. 715-737.

данные для продажи поношенной одежды и подержанных вещей, они, если договориться с торговыми работниками, могли выставлять и новые вещи по договорным ценам. Среди наших собеседников были те, кто хорошо знал о такой возможности: *«Были там раньше - ходили по магазинам, по заведующим»* (интервью 1). Иногда между магазинами и мелкими производителями возникали специальные договоренности о постоянных поставках: *«Было много комиссионных магазинов. Сшитые портнихами платья комиссионный магазин выставлял на продажу»* (интервью 3).

Для фарцовщиков одной из основных проблем был поиск товаров. Бесперебойных поставок в условиях дефицита добиться непросто, и многим из торговцев приходилось с одного товара переходить на другой, пользоваться любым случаем, ограничиваться случайно найденными ресурсами. Наиболее интересными объектами, с точки зрения поиска, в то время были другие регионы СССР, те, в которых уровень снабжения был выше. Вот как говорят об этом респонденты:

> *«Москва - централизованный город. Там все можно было найти, только нужно постоять* [в очереди]. В *регионах не было ничего этого... Прибалтика, Западная Украина, Грузия* [там тоже можно было кое-что найти]» (интервью 1).

Для тех, чья работа была связана с дальними командировками, открывались особые перспективы:

> *«На Дальнем Востоке* - [если туда] *вы приедете, привезете что-нибудь,* [то] *если у вас такое желание или склонность продать - вы продадите. А если эта склонность вошла в жизнь, значит, вы начинаете заниматься этим бизнесом»* (интервью 4).

Другие прорабатывали маршруты, пользуясь разрозненными сведениями о возможностях:

> *«Брали вот так карту* [страны, выбирали место], *наводили справки, откуда можно привезши товар»* (интервью 5).

Одной из возможностей доступа к импортным товарам в 1970-1980-х годах стал международный туризм. Разумеется, в течение советского периода международный туризм был ограничен рамками СССР, Восточной Европы и странами социалистической ориентации - Сирия, Куба. Те, кому было позволено путешествовать, были достаточно свободны в провозе предметов, «а *потом, когда стали уже ездить за границу по путевкам, путевки покупали, из-за границы*

привозили, старались как-то оправдать свою дорогу, ...в Венгрии все люди покупали хрусталь» (интервью 3), встречалось даже убеждение, что *«все шло из-за границы»* (интервью 4). В рамках существовавшего тогда законодательства советские туристы институциализировали практики провоза значительного объема потребительских товаров при возвращении из заграничных туристических поездок. На таможне больше были озабочены поиском контрабанды. Эти практики, по мнению аналитиков Международного валютного фонда, создали условия для бума челночной торговли в СНГ в 1990-х[1]. Особого упоминания заслуживают поиски контрабандных товаров из отдельных регионов с сильными трансграничными связями (приграничные районы Туркменистана):

> *«Иран рядом с туркменской границей. Вот мы на этой границе приобретали. Там большие бабки зашибали»* (интервью 5).

Определенную часть продукции для теневой торговли поставляло надомное мелкотоварное производство, где иногда фабриковали «фирму», используя импортные материалы и фальшивые ярлыки. Как правило, ремесленники сами продавали свою продукцию. Сведений о масштабных цеховых производствах в Саратове у нас нет, однако упоминания о цеховиках в интервью встречаются довольно часто:

> *«Цеховики - это те, кто подпольно что-то производят. В отпускных районах южных там можно было этим заниматься»* (интервью 4).

Негативные репрезентации в средствах массовой информации, поддерживавшие общий курс партии, региональные кампании по искоренению нетрудовых давали всходы в массовом сознании. Практически все респонденты утверждают, что к фарцовщикам и спекулянтам

> «с *осуждением относились. Мне там говорили, у меня тетка что узнает, или мать и: «Ой, да ты чё, чё родня скажет, да ты что делаешь? ... Мотив - спекуляция... Пропаганда. Мы непосредственно давали возможность одеться другим людям. Они же не могли кричать на партию непосредственно. Не понимали люди, от чего это все идет. Почему дефицит такой. Они считали, что это все скупают спекулянты, перепродают»* (интервью 1).

[1] Shuttle Trade. Report. Prepared by the Statistics Department International Monetary Fund BOPCOM 98/1/3. Eleventh Meeting of the IMF Committee on Balance of Payments Statistics. Washington. D.*C.,* October 21-23. 1998. P. 7-8.

Враждебность окружающих проявлялась различным образом:

> *«могли на тебя заявить, и прийти, и наложить штраф там или еще что-то... По крайней мере, с осуждением они относились. Это считалось нехорошей стороной. Это было нечестно* (итервью 3).

На начальном периоде либерализации экономики и перехода к рыночным отношениям правительство СССР пересмотрело критерии так называемой «спекулятивной деятельности», результатом чего явилось формирование и содержательное наполнение терминов «предпринимательство», «предприниматель». Деятельность фарцовщиков постепенно легитимировалась и со стороны государства, и в массовом сознании, она уже определялась как предпринимательство. Действия, которые запрещались, искоренялись 10-15 лет назад, получили поддержку и поощрение. Однако до сих пор не совсем ясно, насколько адекватен и востребован в условиях открытого, легального рынка социальный опыт предпринимательской деятельности, накопленный в условиях экономического подполья. При тоталитарной идеологии и жестком каркасе Советской власти участие в неформальной экономике было альтернативным стилем жизни, особой субкультурой, обладающей всеми признаками ускользающей исторической реальности.

Нарративный анализ интервью демонстрирует двойную природу идентичности спекулянтов советской эпохи. С одной стороны, большинство из них, как это ни парадоксально, являют те же самые негативные аттитюды в отношении неформального рынка, что и другие советские граждане. Наши собеседники до сих пор испытывают моральное неудобство за то, что занимались этой деятельностью, и поэтому оправдывают ее какими-то внешними причинами. С другой стороны, в словах информантов звучит стремление доказать важность своей деятельности, пользу, которую они приносили. Можно встретить даже суждения о том, что в советскую эпоху спекулянты были человечнее и справедливее, чем теперешние торговцы.

Мы полагаем, что многие модели хозяйствования, сложившиеся в сфере предпринимательского поведения до начала радикальных рыночных реформ, оказали и продолжают оказывать воздействие не только на характер и динамику экономического развития России, но и на формирование соответствующего типа мышления. Следствие этого - множество негативных особенностей развития отечест-

венного предпринимательства. Кроме того, государство часто продолжает рассматривать акторов теневого рынка обобщенно, не разделяя крупных воротил и мелких торговцев, озабоченных лишь собственным выживанием. Ответственность за разрешение этих противоречий лежит как на государственной власти и институтах гражданского общества, так и на самом бизнесе.